

ратизации и интеллектуальной свободы как важнейшем условии поступательного развития общества в условиях набирающей темпы научно-технической революции, получили отклик и прямую поддержку в среде советской научной и творческой интеллигенции.

После “архивной революции” начала 90-х годов, когда исследователи получили доступ к ряду документов, находившихся ранее в советских архивах на режиме особого хранения, открылись новые возможности научного дискурса ряда неясных и нерешенных проблем. Остается безусловной заслугой Г.П. Мурашко и коллектива Научного центра по истории сталинизма в Восточной Европе, созданного в 1993 г. и которым она руководила первые 10 лет, что они на практике доказали возможность в бурное время меняющейся идеолого-политической конъюнктуры защитить требования исторической науки. Доказательство тому – созданная ими документальная основа для переоценки послевоенной

истории Центральной и Восточной Европы. Без шеститомной публикации документов, подготовленной Центром, нельзя представить себе дальнейшее развитие исторической науки этого региона. Эта колоссальная и необычайно кропотливая работа сделавшая доступными (а для зарубежных исследователей вообще трудно достигаемые) важнейшие документы – является истинной службой науке.

Г.П. Мурашко отлично овладела мастерством высокопрофессионального исследователя, которое, по определению Р. Роллана, упомянутого в сборнике, предполагает честный мужественный поиск правды. Чешские и словацкие историки высоко ценят работу русской коллеги, и благодарны ей за то, что она всегда использовала свои знания и открытия для взаимопонимания между народами.

К. Ехова,

научный сотрудник Института современной истории Чешской академии наук

J. Baberowski. VERBRANNT E ERDE. STALINS HERRSCHAFT DER GEWALT. München: C.H. Beck, 2012, 606 S.

Й. Баберовски. ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ. ГОСПОДСТВО НАСИЛИЯ ПРИ СТАЛИНЕ. Мюнхен, 2012, 606 с.

В последние десятилетия гуманитарии Германии дважды вступали в серьезные дискуссии о понимании истории советско-германских отношений в XX в. Первой был “спор историков” 1980-х годов. Он касался начатой нацистской Германией за полвека до того якобы “превентивной войны” против СССР, порожденной “опасностью распространения большевизма по всему миру”.

В споре с этой ложной версией, выраженной тогда ярче всего Э. Нольте¹ с очевидной целью снять с Германии ответственность за развязанную ею Вторую мировую войну, за расправы с мирным населением, за огромный материальный и духовный ущерб, приняли участие многие крупнейшие западногерманские историки, поддержанные зарубежными, в частности российскими, коллегами. В результате прогрессивные ученые дали Нольте должный отпор. Годы спустя член российско-германской Комиссии современной истории Х.А. Винклер констатировал, что “спор историков” не принес каких-либо новых исторических открытий,

но был важен для политической культуры ФРГ: “При отражении оправдывающей атаки Нольте образовалось нечто вроде пост-аденауерской интеллектуальной левой”².

Весной 2012 г. в ФРГ начался новый “спор историков”. К Лейпцигской весенней книжной ярмарке 2012 г. крупное мюнхенское издательство “Бек” приурочило выход в свет новой книги о Сталине под названием “Выжженная земля. Господство насилия при Сталине”. Ее автор, профессор истории Восточной Европы Университета им. братьев Гумбольдт в Берлине Й. Баберовски, сразу же, не дожидаясь публичного обсуждения его новой работы, был отмечен издательской литературной премией. Однако расчет на однозначный стремительный успех книги провалился: с ее резкой критикой выступили видные специалисты по новейшей истории России.

В предисловии Баберовски претенциозно заявил о намерении радикально пересмотреть собственную точку зрения, выраженную в работе “Красный террор. История сталинизма”³:

¹ Historikerstreit. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München, 1987; Nolte E. Der Europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a.M., 1989.

² Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen, Bd. 2. München, 2001, S. 445.

³ Baberowski J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München, 2004; Баберовски Й. Красный террор (серия “История сталинизма”). М., 2007.

он решил сделать главной темой нового исследования не историю СССР и не проблему коммунистов у власти, а “психопатологическую любовь Сталина к насилию”.

Интерес к научному творчеству Баберовски как серьезного вдумчивого исследователя вызвала его первая книга, посвященная анализу комплекса российских реформ конца XIX в.⁴. Затем последовал хронологический и тематический скачок автора в бурный XX в.

Однако читатели, которые надеялись получить от умудренного знаниями историка глубокие аналитические материалы, обогащенные новейшими архивными источниками, были разочарованы. Вместо научного исследования им всучили не столько обновленное, сколько огрубленное истолкование истории России, соответствующее броскому заглавию: “Выжженная земля”. Это понятие, старое, как мир, сопутствует едва ли не всей истории человечества. Обратить же его только к истории России XX в., связать почти исключительно с личностью “насилника и маньяка-диктатора” Сталина значило игнорировать весь контекст Второй мировой войны, развязанной агрессией Гитлера, войны сокрушительной, жесточайшей, поразившей и людей, в нее ввергнутых, и окружавшую их среду обитания. Вина же в ней, по мнению Баберовски, оказался не германский империализм, не Гитлер, а едва ли не один лишь Сталин. Согласно концепции автора, Сталин, по натуре своей психопат и убийца, захватив власть в партии большевиков и в правительстве СССР, подчинил себе и держал весь советский народ в страхе перед карающим мечом своего единодержавия.

Историкам нет смысла ни защищать Сталина, ни отрицать наличие в России многовековой традиции насилия над терпеливым народом, ставшей органичной частью российского общественного и государственного строя. Можно не вступать в спор и с сомнительным утверждением Баберовски, что после Октябрьской революции “никто не мог препятствовать большевикам делать все, что приходило им в голову” (с. 28).

Но очевиден явный перебор автора книги, утверждающего, будто “большевикам ничего, кроме насилия, в голову не приходило”, будто российские революции 1917 г. – «не более чем “самосуд” огрубевших и ожесточенных войной людей», которые вывели “из страны не только старый строй, но и европейскую цивилизацию” (с. 49–50).

⁴ *Баберовски J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a.M., 1996.*

Если даже поверить Баберовски, что власть большевиков основывалась только лишь на насилии, то невозможно объяснить грамотному читателю, почему же тогда большевики победили в Гражданской войне, успешно построили мобилизационное общество и государство, признанное всем миром.

Но вернемся к понятию “выжженная земля”. С точки зрения автора книги, если Гитлер строил свои расчеты в плане “Барбаросса” на том, что сумеет прокормить и оккупированное население и собственную армию припасами, оставленными после отступления Красной Армии, то расчет его был исходно ошибочен. А тут еще партизаны и русская зима! Все не так, как в тех цивилизованных странах Европы, которые немцам удалось поставить на колени. Был бы в России “порядок”, Гитлер покорил бы и ее.

К столь несуразным обобщениям автор не только подводит читателей, но и порой, вопреки известным фактам, прямо навязывает им такие выводы. В книге можно прочесть, что население Киева якобы с восторгом встречало гитлеровских “освободителей” (с. 410–411), но в ней нет даже упоминания о страшном символе бесчеловечности нацистской оккупации, каким стал Бабий Яр. Отсутствуют данные о массовом уничтожении немцами в самом начале войны миллионы военнопленных разных национальностей, о планомерном истреблении евреев, цыган, коммунистов. Не говоря уже о чудовищных разрушениях промышленных центров, транспорта, техники.

Да и сам факт вероломного нападения Германии на Советский Союз преподносится под заголовком “Сталинистская война” (с. 395); поражение Германии после четырех лет ожесточенных сражений объясняется тем, что “только одна советская система была-де так подготовлена к войне как к форме собственного существования... Она и до войны не щадила людей и не делала этого и после начала войны” (с. 396). Гитлер, считает автор, ошибся, “начав войну против режима, для которого массовое насилие стало второй натурой... Против такого противника у вермахта не было шансов одержать победу” (с. 403). В нацистской же Германии, оказывается, господствовал перед войной вовсе не террористический, а вполне “цивилизированный режим”.

В главах, посвященных Второй мировой войне, много и других грубейших искажений. Более того, в них вообще отсутствуют характеристика сложного клубка международных отношений, действий антигитлеровской коалиции, победившей в итоге блок агрессоров. Автора вовсе не смущает, что без или вне этого исторического фона немыслимо вообще объяс-

нить возникновение, динамику и исход Второй мировой войны. Да и причины послевоенного возвеличения Сталина в СССР и мире, его почти безмерно возросшее влияние не находят убедительного объяснения.

Возвращаясь к названию книги и перелистывая посвященные этой теме сотни страниц убогостого текста, натыкаешься на формулировки, ориентирующие читателя на назойливо однозначный вывод: Россия – вообще страна, чуждая цивилизации. Сталину удалось встать во главе этой страны только потому, что в ней веками существовала традиция тупого подчинения насилию. Получается, что только одни российские правители были в мире завоевателями, считавшими задачей своей жизни покорение чужих земель и народов (с. 35). Начисто игнорируются все другие завоевания, поражения, колонизации. Автор утверждает, что в России не смогли прижиться идеи либерализма, чем и воспользовались революционеры; русские армии всегда были плохо вооружены, солдаты уже в Первой мировой войне не были обучены (с. 41, 44–45). Такие “откровения” рассыпаны по всей книге, явно рассчитанной на читателя-невежду, не знающего даже азов ни российской, ни всеобщей истории, ищущего будто бы лишь подтверждений своему уже сложившемуся враждебному неприятию России.

Примечательно, что сведущие историки, видимо, еще до выхода книги знали о столь странных установках Й. Баберовски. В апрельском номере журнала “Восточная Европа” за 2012 г. под заглавием “Сталин, сталинизм и власть” была опубликована серия остро критических статей. Не отрицая некоторых новаций в подходе автора, историки подчеркнули полную неприемлемость предложенных им новых толкований⁵.

Историк и писатель Г. Кёнен, оценивая по достоинству присущую автору “страстность аргументации”, обратил внимание на главные вопросы: Как советское общество сумело выжить и даже пережить смерть диктатора; какие механизмы, дополнительные скрытые резервы удалось мобилизовать не только таким людям, как великий композитор Шостакович, но и обездоленному, огрубевшему в непосильном труде и в борьбе за существование народу, которому еще предстояли тяжелые испытания; как удалось сделать плодородной “выжженную землю”? Кёнен не считает убедительной и попытку объяснить цель и динамику террора происхождением советских вождей из семей “бескультурных мужиков и бандитов”. Вопрос, более важный, чем раздумья о том, испытывал

ли Сталин удовольствие от организованных им эксцессов, касается, по мнению Кёнена, мотивов и легитимации массового террора. Была ли возможна эта легитимация, основанная на оценке положения внутри страны, или она была обусловлена, прежде всего, опасностями, грозившими извне⁶?

Разобраться в этом вопросе помогает отзыв профессора Тюбингенского университета Б. Эннкера, обратившего особое внимание на искривление Баберовски перспективы насилия в ходе и в конце войны против фашизма. Баберовски признает, что вермахт вел войну на тотальное уничтожение, однако, по его мнению, и Красная Армия “отплатила той же монетой”. К такому уравниванию вины ведет и утверждение автора, что “солдаты Гитлера не вели войну за победу нацистского мировоззрения, а сами были лишь жертвами динамики этой войны” (с. 403). Они огрубели и обнаглели не под влиянием основанной на расизме нацистской идеологии, а потому, что-де сопротивление оккупированного населения не оставляло им другого выхода.

Б. Эннкер поставил острейший вопрос: “А разве можно обойтись без идеологии, без государства, без альтернативы?” Что же касается большого числа ссылок в книге Баберовски на литературу, то Эннкер справедливо указывает на явно тенденциозный подбор текстов и их привлечение лишь в тех случаях, когда мнения авторов этих книг сходятся с точкой зрения автора монографии⁷.

Оценка характера германо-советской войны 1941–1945 гг. поставлена в центр резкой полемики с Баберовски в статье научного сотрудника Института современной истории в Мюнхене Ю. Царуски⁸. Накал страстей здесь, как и в статье профессора Рурского университета в Бохуме С. Плаггенборга⁹, не уступает характеру полемики во время “спора историков” 1980-х годов.

Ю. Царуски особенно возмутили псевдонаучные, “схематические сопоставления сталинизма и национал-социализма”. Он с откровенным сарказмом воспроизводит выражения, повторяющие давно разоблаченные историками ложные утверждения о том, что “вермахт

⁶ Koenen G. Weil es Stalin gefiel? Überlegungen zu J. Baberowskis Deutung des Stalinismus. – Ibid., S. 81–88.

⁷ Ennker B. Ohne Ideologie, ohne Staat, ohne Alternative? Fragen an Jörg Baberowski. – Ibid., S. 103–114.

⁸ Zarusky J. Schematische Übertragungen. Stalinismus und Nationalsozialismus bei Jörg Baberowski. – Ibid., S. 121–126.

⁹ Plaggenborg S. Stalin war s! Über Jörg Baberowskis “Verbannte Erde”. – Ibid., S. 95–102.

⁵ Im Profil. Stalin, der Stalinismus und die Gewalt. – Osteuropa 2012, № 4.

не мог противостоять партизанам, которые нападали на села и убивали каждого, кто сотрудничал с немцами, и только поэтому вынужден был прибегать к кровавым расправам с жителями” (с. 415).

“Поиск продолжается”, так озаглавил свою статью журналист К. Дикман, считающий, все написанное в книге Баберовски о Сталине и сталинизме является отнюдь не новым и нисколько не разрешающим “загадок насилия”¹⁰.

Научный сотрудник кафедры восточноевропейской истории Рурского университета в Бохуме М. Юнге, обнаруживший в книге далеко идущие выводы, не подтвержденные никакими источниками, вступился за нарушенное автором “право вето источников”¹¹.

В том же номере журнала опубликована статья американской исследовательницы сталинизма профессора Университета Чикаго Ш. Фитцпатрик, в которой речь идет о “команде Сталина” – влиятельных советских чиновниках, которые всегда находились в окружении вождя. Состав этой команды менялся постоянно и очень значительно. Мало кому удалось удержаться в ней. Но то, что такая команда существовала всегда, уже само по себе свидетельствует, по мнению Фитцпатрик, против представления о Сталине, которое отстаивает Баберовски¹².

Под заголовком “Приближение к непостижимому” научный сотрудник Университета

им. братьев Гумбольдт в Берлине А. Оберендер опубликовал основательный обзор биографической литературы о Сталине, разделив исследования, вышедшие в западном мире до и после 1991 г. Критерием периодизации служат не выводы авторов и не их оценки, а в первую очередь общая источниковедческая ситуация. Рубежом Оберендер считает постепенное открытие советских архивов. Он избежал суммарной дисквалификации всей прежней литературы и ориентации только на количество архивных сносков, по достоинству оценил работы Л.Д. Троцкого и И. Дейча, поражающие своей глубиной и способностью предвидеть процессы, объяснить которые стало возможно лишь сегодня с помощью новых архивных материалов. Увлечение биографов Сталина “психоисторией” Оберендер относит к давно пройденному этапу историографии, когда еще не было достаточных предпосылок для более глубокого исследования как истории советского общества, так и мотивации действий его вождей¹³. Псевдоноваторство Баберовски на проверку часто оказывается не более чем простой перелицовкой изрядно потрепанных безнадежно устарелых и несостоятельных представлений, заимствованных из далекого прошлого.

Я.С. Драбкин,
доктор исторических наук, научный
руководитель Центра германских
исторических исследований
Института всеобщей истории РАН,

Л.Я. Томас,
доктор исторических наук,
профессор Университета
им. братьев Гумбольдт, Берлин

¹⁰ Dieckmann C. Die Suche geht weiter. Stalin, der Stalinismus und das Rätsel der Gewalt. – Ibid., S. 127–135.

¹¹ Junge M. Das Vetorecht der Quellen. Baberowski und die Massenverfolgung im Großen Terror. – Ibid., S. 137–140.

¹² Fitzpatrick Sh. Stalin und sein Team. Jenseits der Gewalt. – Ibid., S. 60–67.

¹³ Oberender A. Annäherungen an einen Unfassbaren. Stalin und seine Biographen. – Ibid., S. 37–52.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ США XVII – НАЧАЛА XXI вв. М.: Институт всеобщей истории, 2012, 234 с.

Статистика неизменно привлекает внимание историков, будучи крайне интересным и в то же время коварным источником. С одной стороны, нет ничего убедительнее, чем надежные цифры, которые, выстраиваясь в сопоставимые статистические ряды, дают возможность беспристрастно взглянуть на события и явления. С другой стороны, посредством искусно подобранных статистических материалов легко манипулировать сознанием людей, поскольку, как верно заметил Б. Дизраэли, есть три спосо-

ба для их обмана – “уклончивый ответ, прямая ложь и статистика”. Неудивительно, что перед исследователем неизменно встает задача грамотного отбора статистических данных, а затем их комплексного анализа в сравнительном контексте.

Решению подобной задачи применительно к истории Соединенных Штатов Америки будет, безусловно, способствовать сборник, подготовленный в Центре Североамериканских исследований ИВИ РАН и нацеленный на рассмот-